

ЕЛЕНА МАРИНИНА
АЛЕКСАНДР ЧЕРНИКОВ

ЗАГАДКА
АЛАТЫРЬ-КАМНЯ

**Александр Михайлович Черницкий
Елена Владимировна Маринина
Загадка Алатырь-камня**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10098173

Загадка Алатырь-камня. Исторический роман-исследование: Э.ПА; М.; 2015

ISBN 978-5-00039-174-7

Аннотация

Эта новаторская книга, словно прожектор, ярко освещает возникновение и возвышение на территории будущей России величайшего этноса раннего средневековья – гуннов. Одновременно книга повествует о многих эпизодах практически неизвестной жизни легендарного Аттилы – гениального вождя и полководца гуннов.

Венчает роман восхитительная история мордовской принцессы Ильдикы – загадочной любви Аттилы, ставшей после смерти грозного гуннского предводителя супругой знатного анта Межамира, одного из предков восточных славян, то есть русских.

Содержание

От издателя	5
Предисловие, или Попытка рецензии	8
Глава 1. Любовь в кибитке	12
Глава 2. Совещание с Богами	15
Глава 3. Страшные люди	18
Глава 4. Свиное состязание	21
Глава 5. Первые гунны Земли	24
Глава 6. Позор юнократии	27
Глава 7. Соединение разных кровей	30
Глава 8. Отречение от разума	32
Глава 9. На пороге адюльтера	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Маринина, Александр Черницкий **Загадка Алатырь-камня.**

Исторический роман-исследование

© Елена Маринина, Александр Черницкий

От издателя

Эта новаторская книга, словно прожектор, ярко освещает возникновение и возвышение на территории будущей России величайшего этноса раннего средневековья – гуннов. Двинувшиеся в IV веке новой эры из Поволжья на Запад гунны спровоцировали Великое переселение народов, сделали своей данницей Восточную Римскую империю, привели к краху Западную Римскую империю, покорили Ново-Персидское царство и треть бескрайнего Индостана.

Одновременно книга повествует о многих эпизодах практически неизвестной жизни легендарного Атилы – гениального вождя и полководца гуннов, который не единожды совершал грандиозные путешествия по бескрайней Гуннии: не только по своим владениям на Западе, но также по Причерноморью, Великой степи, Предуралью и далее на Восток вплоть до берегов Байкала.

Венчает роман восхитительная история мордовской принцессы Ильдико – загадочной любви Атилы, ставшей после смерти грозного гуннского предводителя супругой знатного анта Межамира, одного из предков восточных славян, т. е. русских. Да-да, речь о той самой Ильдико, чей образ в качестве знатной бургундки был сходу и беззастенчиво присвоен германо-скандинавским эпосом о Нибелунгах!

...Обычно историческая литература концентрируется на столицах, где вершатся судьбы мира. Но на этих страницах используется уникальный микроуровневый подход: история Отечества отражается в поколениях далеких предков из глубинки. Вместе с авторами необычной саги нам предстоит, неизменно отталкиваясь от современности, найти «клей нации» – умозрительное начало, превращающее пестрый строй генеалогических деревьев в народ.

В добрый путь, читатель: распутаем вместе нити времени и... попытаемся проложить путь в будущее.

Предисловие, или Попытка рецензии

Книгу нужно просто взять и прочитать, благо «заходит» она в читателя сама: скользя, журча и переливаясь. А уж контент ее столь плотен и жгуч, что хватило бы на многотомник. Ну разве что обилие неведомых собственных имен героев заставляет спотыкаться, однако здесь мы встречаем тот случай, когда из истории слов не выкинешь. Да, именно столь непривычно – с нашей, разумеется, точки зрения! – матери Поволжья нарекали своих детей во II–V веках новой эры.

Или взять латинский язык – вот уж прямо скажем, жаль недосказанности. Приведем единственный лишь пример. В тексте встречаем лупанарий, или лупанар. Откуда, что это? В Др. Риме называли лупанаром... публичный дом, ни много ни мало. Этимология восходит к *lupa*, то бишь «волчица», у латинян – проститутка. Разве неинтересно? А ведь латинских словечек в романе множество – не сосчитать!

Впору сказать коротко и о жанре, описание коего рождается у рецензента сразу, – еще при беглом нашем знакомстве с рукописью. Во-первых, перед вами ни в коем случае не научная литература с ее неудобочитаемым языком: это именно роман, то бишь по большей части беллетристика. Во-вторых, в нарушение известного правила «беллетристика противостоит публицистике», в книге «Загадка Алатырь-камня» имеем редкую смесь того и другого, фикшн и нон-фикшн. Таким образом, обозримо проглядывают контуры передовой современной литературы.

«Журналист оперирует фактами, писатель – вымыслом, – делится опытом Михаил Идов, главный редактор российской версии журнала GQ. – Но, с другой стороны, надо признать, что свою школу журналистики я прошел в New York Magazine, где проработал пять лет. Именно этому журналу принадлежит термин “новая журналистика”, появившаяся в конце 1960-х – начале 1970-х. Авторы вроде Тома Вульфа использовали литературный инструментарий для написания статей – диалоги, метафоры, описания природы. Я пользуюсь тем же приемом, только в обратную сторону: пытаюсь использовать журналистский инструментарий для создания художественного произведения...»

Не хотим с порога расхваливать труд г-жи Марининой и г-на Черницкого, но факт: ничего подобного в отечественной исторической литературе прежде нам не встречалось. На читателя обрушивается целый набор открытий, связанных с рождением и исчезновением этноса, который оставил глубочайший след в истории человечества.

«Мускулам народившихся в финно-угорских лесах полукровок суждено было перекрыть политическую карту Европы, изменить ход истории, исказить до неузнаваемости генетику европейских народов», – отмечают авторы.

Заодно взятый вами в руки том, читатель, развеивает целый ряд устоявшийся в историографии заблуждений о том же этносе – вплоть до обвинений в каннибализме! – который якобы взялся ниоткуда и ушел неведомо куда.

Речь идет о гуннах. Об их появлении на свет во II веке на территории современной России, о захвате ими в IV–V веках едва ли не всей Европы да вдобавок Персии с огромной частью Индии и о полной ассимиляции гуннов к VIII веку, – вот о чем с «фирменной» лихостью беллетристов-публицистов рассказывают Маринина и Черницкий.

Есть за что пожурить отдельные фрагменты предлагаемой вам, читатель, исторической реконструкции, которую можно было бы назвать «Откуда есмь пошла Еунния», но в целом она выполнена блестяще. Историческая правда и демифологизация истории – вот чем руководствовались соавторы в качестве основополагающих принципов своего труда.

Неслучайно г-жа Маринина и г-н Черницкий опирались в работе над данным историко-публицистическим текстом на умозаключения ведущих авторитетов, начиная с Эрне-

ста Ренана и Льва Гумилева. Даже в крошечном, проходном в данном случае эпизоде о возникновении Киева муза не позволила соавторам поддаться обаянию мифа о возведении города неким речным перевозчиком Кием. И что особенно ценно именно для романа: личная жизнь героев не забыта и отнюдь не буксует на месте.

Книга построена на контрасте точного факта и беллетристической манеры изложения. Аналогичный подход применялся прежде в исторической романистике (Дюма, Пикуль и др.), однако погоня за фабульностью неизбежно приводила к нарушению пропорции: слово (вымысел) торжествовало над фактом.

Казалось бы, наука не допускает даже гораздо более умеренного использования слова, признавая одни факты. Однако вновь вспомним: ученые мужи непреклонно отрицали историческую достоверность Гомеровых творений ровно до момента, когда Генрих Шлиман доказал обратное с неопровержимыми фактами – аж с целой Троей XIII века до новой эры – буквально в руках!

Но Елена Маринина и Александр Черницкий не ищут древних руин, их задача куда как колоссальнее. Лапидарно: если душа народная упорно не разгадывается в наши дни, ее суть поможет объяснить взгляд в... души далеких предков. Замысел тонок и сложен, но не пуст, ибо на его стороне – сокрытые в тумане тысячелетий детали происхождения народа российского; сами причины сей тайны великой понятны: отсутствие у пращуров письменности, а затем и неоднократное переписывание истории.

«Миф – это история тех времен, когда не умели писать», – утверждал Ренан. Добавим, что гомеровские герои разговаривают языком, которым на самом деле никто и никогда не пользовался. Тем не менее этим языком зафиксирована древнейшая история, пускай и с искажениями!

Выходит, правы соавторы данного труда, когда современной речью реконструируют мысли жителей былых времен? Первая скрипка-то не у самого по себе слова, но у его содержания. Ведь даже один и тот же человек одну и ту же идею высказывает нередко по-разному: слова другие, а содержание прежнее! Благодаря этому Маринина с Черницким получают своего рода бонус: давно почившие в бозе их герои выпуклы, оживлены.

На каком же парашюте опускаться нам в исторические бездны? Авторы этой книги перебирают столетие за столетием, целя в прошлое сквозь многие поколения. Так пластическая реконструкция Герасимова позволяет создать портрет по уцелевшим в гробнице костям; так ныряльщик спускается за жемчугом по якорной цепи на самое дно морское.

Безусловно, Маринина с Черницким не первые, кто принял вызов Бердяева: «Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире». Но, быть может, соавторы лучше многих своих предшественников прониклись констатацией Ключевского: «В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого».

Особо отметим соразмерность, взвешенность суждений: будучи патриотами, авторы не впадают в патриотит, который болезненно не соприкасается с наукой. И не запамätуем тонкого интереса, вызываемого этимологическими штудиями Марининой и Черницкого.

В частности, название мордовского райцентра Атяшево с блеском возведено к ставке шаньюев, соседний городок Ардатов произошел от «орды», и гуннский сюжет вдруг ярко вплетается в отечественную историю. Отдельная тема – этимология современного города Алатыря, которую соавторы возвели к древнеславянскому наречию антов. Между тем письменности ни у мокшан, ни у эрзян не было вплоть до второй половины XVIII века, когда перечисленные названия уже более или менее устоялись.

Или вот вам еще вопрос вопросов, читатель. «Когда же и почему на северо-востоке современных Мордовии и соседнего юге Чувашии, исстари населенным мордвой, поменялся

этнический состав населения? – вопрошают страницы этой книги. – Сейчас там живут преимущественно русские, и кажется, будто так было всегда. Позвольте, но где же мокшане с эрзянами, с незапамятных времен населявшие эти края, куда всосал их водоворот истории?»

А эзотерика? В древности решения тут и там принимаются с учетом высших, потусторонних сил. Их мнения вожди узнают посредством шаманов, бесстрашно отправляющихся в параллельные миры: нижний, средний и верхний. С одной стороны, наверняка безупречную историческую фактуру авторам удалось бы вывязать и безо всяких камланий. Но, с другой стороны, текст повествует о временах, когда вера в богов, призраков, оборотней и прочих сверхъестественных «кукловодов истории» являлась категорическим императивом всех цивилизаций. Вопрос: в какой степени магия помогает постичь дух времени и лучше понять поведение живших тогда людей?

Ну, а как вам нравится ремарка о том, что на заре «святой Руси» будущему закабалению народа способствовало ощущение крестьянством коллективной вины за преступление земледельца Каина? И еще наблюдение вашего покорного слуги: Маринина с Черницким привлекают авторитетные мнения для подкрепления своих позиций, однако почти не цитируют оппонентов. В этом отказе хватать маститых за грудки (чем обожают заниматься сокрушители устоев обыкновенно из числа аспирантов) чудятся скромные да чуткие простые души – нечастые гости на ученой ниве.

А чего стоят «мостики» – исторические параллели, – то и дело перебрасываемые соавторами из древности в современность? Взять, к примеру, пассажи о сексуальной неудовлетворенности абсолютного большинства женщин (порядка 80 %) всех времен и народов. Отсюда проистекает хроническое непонимание между полами: перед нами виртуозно «защитое» в роман наставление по интимной грамоте, как говорится, «два в одном».

И вот что еще архиважно: соавторы избегают пересказывать сюжеты, и без того подробно известные историографии. Маринина и Черницкий предпочитают держаться переднего края, где все зыбко, предположительно, неудобно. Потрясают воображение, например, грезы Агтилы о слиянии Хартленда с Римлендом, не потерявшие актуальности и в наши просвещенные дни. Впрочем, тссс, больше о собственно томе ни слова, дабы не предвосхищать читательского удовольствия.

Засим напомним: эти листы нужно просто прочитать. И, ненавязчиво получая наслаждение от соприкосновения с Ее Величеством Историей, «под завязку» набраться новых знаний, которые останутся с вами на всю жизнь. Повторим вслед за историографом Вячеславом Румянцевым: «Историческая память народа – это как раз и есть та самая главная законсервированная партизанская база, благодаря которой сохранится и народ, и страна».

В заключение отметим, что твердость рук авторов оставалось неизменной от 1-й главы к заключению (эпилогу). И в этом факте также отражено могущество данного прекрасного, на наш взгляд, произведения. Да, оно не лишено недостатков, часть из которых мы уже обозначили, но совершенство, как известно, свойственно во Вселенной одному токмо Неизреченному.

Возможно, читатель сочтет данное вступление излишне комплиментарным, поэтому признаем: да-с, многие умозаключения и выводы Елены Марининой и Александра Черницкого недостаточно аргументированы, зачастую интуитивны, порой идеалистичны либо избыточно резки, а местами и вовсе будят протест в читательском уме или сердце. Но...

Не забудем мотто преизящнейшего британского эссеиста *Хэзлитта* – «Перестав быть спорной, мысль перестает быть интересной». Сочинять и тем более издавать бесспорный, то бишь бесполезный труд – дело пустое, он априори никому не потребен.

Читать книгу «Загадка Алатырь-камня» как раз-таки интересно.

Захватывающе.

В.В. Ильин, доктор философских наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

Глава 1. Любовь в кибитке

В непроглядной тьме крытой шкурами повозки юные сильные руки ласкали тела.

– Еще, еще, еще, – молила она на языке, какого не знали другие народы. – Ради священной Йер-су, быстрее, быстрее...

– Глубже, глубже, глубже, – отзывался он на языке народа, который исчезнет в тумане столетий. – Ради великого Тенгри, чаще, чаще, чаще...

Девушка вжимала его в себя, обхватив сверху повыше бедер, а он отвечал тем же, – обхватив выше бедер снизу и вжимая ее в себя.

Поскрипывая, повозка раскачивалась на лесной тропе в такт движениям любви. Точно так скрипели тысячи повозок спереди и сзади. Топот десятков тысяч запряженных лошадей и закованных в броню всадников сливался в неумный гул вместе с ударами двупалых верблюжьих ступней и цоканьем живого мяса – коз да баранов, которых орда гнала себе на пропитание. В этот непередаваемый шум то и дело врывались крики грудных детей, требовавших молока. Впрочем, в темноте повозок младенцы быстро стихали, отыскивая пахучие соски матерей.

Качался под крепкими молодыми телами сложенный шатер, и не было под небесами лучшей перины. Когда бедра девушки по имени Гарма пошли в пляс, юноша Оян закрыл ее рот своими губами, чтобы крики счастья не достигли ушей возницы.

– Ты, теперь ты, ты, ты, – тяжело дышала девушка, обняв шею возлюбленного. – Ну же, ну-ну, скорее...

Их горячие языки свились в петлю, и все кончилось, и тела отпали друг от друга.

– Мы как раз успели, – задыхаясь, прошептал он. – Видишь рассвет, моя любимая?

Сквозь крошечные неплотности между шкурами в повозку робко вползали лучи нового дня.

– Да, любимый мой, пора одеваться.

Откинув полог шатра, который служил одеялом и укрытием одновременно, молодые люди натянули нехитрую летнюю одежку своего народа – кожаные штаны и такие же куртки мехом внутрь. Повернувшись спинами друг к другу, возлюбленные приняли позы крепко спящих. И тут же издали долетели голоса, которые, будто волнами, катились от головы грандиозной орды к ее хвосту.

– Привал, привал, привал, – орали что было мочи конные охранники, оборачиваясь. – Великий шаньюй объявил привал... Привал, привал, привал...

– Вал, вал, вал! – поддакивало лесное эхо. – Вал-вал-вал...

Солнце все упорнее просачивалось в повозки. Поскольку рассвет наступать с такой скоростью никак не мог, влюбленным стало ясно, что голова орды выбралась из глухого леса на открытое место.

Повозка остановилась. От этого проснулся и тут же запищал третий пассажир – грудная девочка, младшая сестричка Гармы.

– Посмотрю, что там, – шепнул юноша Гарме. – И спрошу у твоей мамы таким голосом, будто только что проснулся.

Оян подполз и сунул вихрастую голову в щель, за которой сидел возница. Действительно, впереди солнечные блики забавлялись игрой в ярко-зеленой долине.

– То-то лошади с верблюдами побалуется свежей травкой, да, мам-Багрита? – промолвил юноша, старательно зевая.

Возница обернулся, оказавшись морщинистой женщиной весьма преклонных лет – этак сорока пяти. Ее звали Багритой, она была матерью погодков Гармы и Ояна, а также

еще доброго десятка ребят возрастом от двух до тридцати лет. Сейчас как раз настала пора покормить грудью пробудившегося младшего сыночка.

– Подними-ка Гарму и сбегайте посмотреть, что там хорошего нашел на этот раз шаньюй Юйчугянь, кроме очередного водопоя, – ощерилась Багрита беззубым ртом, и воскликнула, взмахнув кнутовищем: – Не привал, а стойбище, вот о чем мечтает мое сердце, да поможет сбыться сему великий Тенгри!

С этими словами Багрита поползла внутрь повозки кормить младшую дочурку.

Припустив что есть к мочи к голове орды, Гарма крикнула на ходу Ояну:

– Сейчас я бы и правда не прочь подольше поспать, Оянчик!

– А мне рядом с тобой толком не спится, – признался тот. – Небесным жаром обдает твое прекрасное тело, Бармица...

Они направлялись на территорию любви, но еще не подозревали об этом.

Когда деревья окончательно расступились, Гарме и Ояну зримо предстала причина, по которой правитель Юйчугянь остановил свой народ. Среди сочных трав мощными округлыми башнями торчали два белых каменного валуна громадной величины. По форме валуны напоминали устремившиеся к небесам пышные, упругие груди молодой женщины. Несомненно, на этих вершинах могли разместиться тысячи человек.

У ближайшего из белых каменных исполинов стоял сам седой шаньюй Юйчугянь со своей обычной свитой: несколько спешившихся воинов личной охраны, всенародный шаман Сэпгэ и его супруга, шаманиха Сарюн. Указывая плетью на черную нору в основании валуна, Юйчугянь говорил, привычно вдыхая смердящий запах главного шамана:

– Точно такие валуны мы видели в Забайкалье, на земле наших предков. Помнишь, Сэпгэ, Яблоновый хребет, скатывающийся с небес в сторону величайшего Байкал-моря?

– К сожалению, я был тогда слишком мал, – покачал головой главный шаман. – Скорее всего, в ту пору я еще не появился на этот свет, озаренный сиянием Тенгри! О нет, не помню, всемогущий!

– Я и сам был тогда подростком, но запомнил многое, – он воня изо рта своего главного предсказателя шаньюй невольно отшатнулся. – Мы называли эти валуны Буграми, и именно там, внутри забайкальских Бугров, тогдашний главный шаман получил для всего народа молчаливое указание следовать на запад. Так после нескольких лун тяжелейших блужданий по предгорьям мы взобрались на Алтай. Но Тенгри словно забавлялся нашим народом, ибо у подножия упиравшейся в небеса двуглавой горы Белухи мы вновь встретили отполированные ветрами и грозами белые Бугры. Тогда то были Бугры алтайские.

Шаманиха Сарюн сокрушенно покачала головой:

– Подобно мужу, я в те дальние времена еще не выбралась из чрева своей матери. Но прекрасно помню, что и предсказание алтайских Бугров оказалось прежним: двигаться на Запад!

Казалось, дыханием шаманихи можно уничтожить все живое на свете. Еще более отшатнувшись, Юйчугянь сказал:

– Ты права, Сарюн! Поэтому мы и отправились к Аралу. А что было дальше, ты и твой муж Сэпгэ уже должны помнить. Мы на долгие годы задержались в Приаралье, потому что встретили там часть нашего народа, с которой судьба разлучила нас на добрую сотню лет. Хорошее место: в нескольких переходах тянулся Великий Шелковый путь с его снующими туда-сюда мулами, осликами и верблюдами. Наши воины из засад теребили купцов и никогда не возвращались без доброй добычи...

– Но и китайцы не дремали, – позволил себе дополнить вождя главный шаман. – Они постоянно усиливали охрану торговых караванов, после чего стали нападать даже на наши шатры. В одной из таких схваток пал с мечом в руке мой отец, старый шаман Мижит.

– Верно, Сэпгэ! – с горечью в голосе подтвердил Юйчугянь. – Заменяв Мижита тобой, первым делом я разослал в разные стороны разведчиков, и одна из этих групп наткнулась на Бугры – выветренные и умытые дождями до белизны. Мы отвезли туда своего молодого шамана – Сэпгэ. Помнишь, как ты попросил оставить тебя на приаральских Буграх одного на несколько дней и ночей? Ты не ел, не пил и чуть не умер от измождения. А когда ты приполз наконец в лагерь разведчиков, то сообщил о неизменном решении богов: следовать на запад, обходя стороной безжизненную пустыню. Не теряя времени, мы свернули шатры и с того дня находимся в пути уже многие луны, преодолели за это время тысячи ли, и степи сменились лесами...

– А у нас с каждым днем продолжается падеж скота от бескормицы, – подхватила Сарюн, не сдержавшись. – Сердце кровью обливается, о великий Юйчугянь! После каждой остановки я вижу бездыханных ягнят, козлят, и даже лошади порой падают, обессилев...

Одобрительно кивнув шаманихе, шаньюй продолжил, и в голосе его зазвенел металл:

– Вот почему приказываю вам, верные мои Сэпгэ и Сарюн, выяснить у здешних Бугров, куда нам дальше держать путь. Долог ли он окажется? Как называется место, где нам следует остановиться, чтобы разбить стойбище для длительной передышки?

– Будет сделано, достославный шаньюй! – с энтузиазмом отозвался Сэпгэ. – Лес плох для прокорма наших животных, но в нем растут прекрасные растения силы. Мы с Сарюн собирали их и настаивали. Давай-ка, Сарюн, принеси обе глиняные чаши...

Сарюн кинулась к своей повозке, которая всегда сопровождала повозку великого Юйчугяня. Скоро оба, шаман и его жена, отковыряли с крышек запечатывающую смолу и сделали по доброму глотку. Сэпгэ пил настойку крошечных поганок, которых можно зажать в кулаке сразу пару дюжин. Сарюн же как следует отхлебнула сомы – настоя мухомора. Затем началось камлание.

Чета шаманов сорвала с себя всю одежду и принялась подпитываться энергией Матери-Земли. Тем временем облака над окружающими лесами сбивались в грозные тучи.

Глава 2. Совецание с Богами

Обнаженный Сэпгэ лег на спину, а ноги согнул так, чтобы подошвы соприкасались между собой. Руки шаман распростер в стороны, предплечья вертикально поднял, а пальцы согнул перпендикулярно ладоням, после чего ощутил благословенное тепло в глубине живота: сила Земли устремилась в чакрам Хара, расположенный на два-три сантиметра ниже пупка.

Обнаженная шаманиха улеглась неподалеку и принялась кататься по траве, отчего земная энергия поступала прямо в матку, – главный энергетический центр женщины. Именно по причине легкости пополнения энергетических запасов женщины численно преобладают среди магов, знахарей, колдунов, медиумов, экстрасенсов и контактеров.

Многие поколения шаманов во время нахождения в трансе наблюдали, что Земля окутана снаружи светящимся энергетическим коконом подобно тому, как аура окружает всякое живое существо. Это привело шаманов к выводу: необходимо искать пути подпитки энергией Земли, чтобы улучшать точность своих прогнозов. В конце концов были в деталях разработаны способы подзарядки человека от колоссального земного резервуара.

Скоро Сэпгэ и Сарюн действительно увидели свечение, поднимающееся над травой к темнеющим небесам, словно отблески далекого ночного костра. Так Земля щедро делилась своей энергией с теми, кто хотели видеть невидимое, слышать неслышимое и знать непознанное.

– Что ж, теперь можно действовать, – пробормотал Сэпгэ. – Ползи за мной, Сарюн!

С этими словами он юркнул в нору у основания одного из Бугров. Впрочем, голос шамана под воздействием «напитка силы» изменился так, что и великий вождь не разобрал ни слова.

– Иду за тобой, – объявила Сарюн и, сверкая задом, скрылась вслед за мужем.

Шаньюй ничего не разобрал и в ее словах.

Из-за ближайшей сосны Оян и Гарма с распахнутыми от любопытства и ужаса ртами наблюдали за происходящим.

– Что они там делают? – шепотом спросила Гарма у Ояна.

– Уходят в другие миры, чтобы выяснить волю богов, – отозвался тот, лишь бы не молчать. – Продолжают камлание...

Шаньюй огляделся и за широкими плечами лучших своих воинов узрел Ояна с Гармой.

– А ну-ка уходите отсюда, не детское это дело! – рявкнул Юйчугянь в раздражении.

Возлюбленных как ветром сдуло. Никто в народе, который возглавлял шаньюй, не стремился так сильно к завершению бесконечного кочевья, как он сам. Вождь превосходно знал, чем занимаются ночами Гарма с Ояном и тысячи других подобных им пар. Но бороться с творящимся по ночам блудом путем запретов бесполезно: как говорится, была бы пара, а уж момент найдется.

Тем временем солнце поднималось все выше и жарило все сильнее – прямо сквозь облака. Шаньюй твердо помнил один из заветов отца своего: народ всегда должен быть при деле, ибо скука – злейший враг послушания. За Буграми ярко синел ручей, и вождь велел своим гвардейцам передать всей орде приказ приступить к водопою табунов и стад. Свободным от этого занятия было приказано собирать ягоды, которых было видимо-невидимо.

Забравшись подальше в лес, Оян и Гарма затеяли было минутку любви, но крайне неудачно, поскольку в густой тени деревьев девушка улеглась прямо на неприметный муравейник. К счастью, рядом плескалось озерцо, и влюбленные бросились в воду, отметя прочь свойственный их кочевому народу страх перед мытьем: погружение оказалось единственным средством унять боль и зуд от укусов растревоженных насекомых.

Стоя по грудь в воде, Гарма тонкими руками обвила шею Ояна, а тот приподнял девушку за бедра и усадил прямо на свое мужское могущество. От их мерных движений по поверхности побежала рябь, и на берегах проснулись утомленные ночной кормежкой лягушки.

– Ква, ква, ква, – заливался неприметный в траве солист, и ответом ему звучал дружных хор: – Кваааа, кваааа, кваааа...

– Ах, ах, ах, – рвалось из ротика прелестной Гармы. – О-о, о-о, о-о, как ты могуч, любимый мой...

– О-о, о-о, о-о, – отзывался плечистый красавец. – Ух, ух, ух, как же ты прекрасна, любая моя...

– Квааааа, – тянули свою партию земноводные. – Ква, ква, кваааа...

Взлетали к небесам брызги, и воспаряло счастье, прямо к чисто умытому новым днем, хотя и потемневшему Тенгри.

Откроем тайну: Оян и Гарма – кузен и кузина. Родными братьями были их отцы, которые геройски, как пристало хуннским воинам, пали в одной из жестоких стычек с китайцами. Спустя каких-нибудь пару лун смертельная стрела китайского арбалета пригвоздила мать Гармы к стойке шатра, едва молодая женщина выбежала наружу с обоюдоострым «всадническим» мечом покойного мужа.

Багрита приходилась родной матерью лишь Ояну, а ставшую сиротой племянницу Гарму удочерила в полном согласии с вековым обычаем кочевников. Прочих пятерых детей погибшего зятя удочерили сестры Багриты, потому что собственных сестер у отца Гармы не оказалось. Не было в ту далекую пору у восточных народов детских домов, нет их и сейчас.

Согласно другому вековечному обычаю, браки между двоюродными сестрами и братьями не были табуированы у кочевников, и шаманы с легким сердцем совершали над кузенами все положенные при женитьбе обряды. Да и в просвещенном XXI веке подобные браки законодательно разрешены в большинстве стран, которые именуются цивилизованными и развитыми.

Тем временем астральные тела Сэпгэ и Сарюн скитались по шаманской Вселенной. Как известно, она состоит из трех ярусов. Средний – тот мир, к которому привыкли обычные люди. Верхний и нижний ярусы являются многослойными. Все три яруса надеты на ось – своеобразный колодец, через который в наш мир спускаются боги, а в нижний мир отходят умершие. Именно этим путем пользуются астральные тела шаманов во время своих путешествий между мирами.

Физические тела супругов лежали в глубине огромной пещеры где-то под Буграми и выглядели крепко спящими. Но если бы за ними подсмотрел посвященный в шаманские тайны человек, то увидел бы две тонкие светящиеся нити. Каждая соединяла «спящего» Сэпгэ и «спящую» Сарюн с их энергетическими сущностями, то есть астральными двойниками.

Средством передвижения между омерзительно-опасным царством мертвых и божественно-спасительным верхним миром-раем шаманской чете служила в Астрале светящаяся мареновым цветом неорганическая сущность – восьмиконечная розетка. Этот священный символ солнца действовал одновременно и как парашют, и как подъемник. В каждом из миров та же восьмилепестковая темно-красная звезда выполняла функции горизонтально летающего со скоростью света внедорожника и превосходно знающего «местность» проводника. В общем, «четыре в одном».

«Странно, на приаральских Буграх ездая звезда имела лишь семь лепестков, – размышляла энергетическая сущность Сэпгэ. – Но мой отец Мижит рассказывал, что в чреве алтайских Бугров перемещался на шестиконечной звезде, а еще раньше, на Буграх Забайка-

ля у ездовой звезды были только пять концов, но она также пользовалась энергетическими Линиями Мира, чтобы мгновенно переноситься из одной точки в другую...»

Ну как объяснить непосвященным, что такое «Линии Мира»? Это нечто вроде рельсов или токопроводов, скорость движения по которым равна скорости распространения энергии, то есть триста тысяч километров в секунду. Для рядового человека Линии Мира являются, конечно, абстракцией, но для астральных тел – привычный транспорт.

«Не менее, чем через двести лет, – осознал хуннский шаман Сэпгэ в своем сновидении предписание Тенгри. – За этот срок новое гнездо станет большим...»

«Осядете в одном переходе отсюда близ слияния Алатыря и Суры, – осознала хуннская шаманиха Сарюн в своем сновидении предписание Тенгри. – Точное место вы узнаете по искреннему радушию, с которым будете там встречены».

«Вовремя мы наткнулись на эти Бугры, – подумал шаньюй, выслушав доклады шаманов, когда те наконец вернулись на бrenную землю после астральных странствий. – Иначе прошли бы в каких-то двадцати пяти ли западнее деревни, в которую велят двигаться Боги!»

Здесь необходимо заметить, что перенятая кочевниками хунну у китайцев единица измерения длины ли равнялась 576 метрам.

– Передайте хунну, пускай побыстрее завершают все свои дела и занимают места в походной колонне, – бросил Юйчугянь личным гвардейцам. – Мясо с вертелов доедят на ходу, так даже больше влезет. Нам нужно принять немного восточнее. Там нас ждут.

Захлебываясь слюной от голода, отборные хунну бросились исполнять приказание своего вождя. «Мясо с вертелов, – стучало в висках. – Мясо с вертелов...»

Тысячи костров окружали орду, и ноздри небожителей щекотали ароматы готовящейся баранины – лучшей еды в мире.

Небо принялось грозно погромыхивать: гром обещал сильнейший ливень, испещренный ослепительными зигзагами молний.

Глава 3. Страшные люди

Следующим утром – после жуткой ночной грозы, – пыхтя и обливаясь потом, дозорные подбежали к дому Арсяна, который с незапамятных времен числился каназором Долины Ручьев, то есть правил всем родом. Если бы событие не было не столь значительным, доклада удостоился бы кто-то из азуров, – глав семей.

Но сегодня рыжий Латкай и такой же конопатый Мельцет увидели нечто настолько необычное, что сразу рванули к каназору. Старый Арсян по своему обыкновению уже сидел на завалинке своего сруба, согреваясь лаской июльского утра. После сильнейшего дождя от земли поднимался пар.

– Чиряз Арсян, чиряз Арсян, к Долине Ручьев приближается большая конница, – задыхаясь и перебивая друг друга, занули парнишки. – А еще дальше тянется бескрайний обоз, пыль от которого скрывает весь лес. У этих людей странные, очень странные лица – узкие-преузкие карие глаза и широкие-преширокие желтые скулы. А еще пришельцы покрыты железными пластинами, и щиты у них железные, а лошади мелкие и лохматые. И верблюды, верблюды, верблюды, причем не только двугорбые, но даже одnogорбые!

На безмятежное лицо чиряза Арсяна легла тревога. «Чиряз» по-эрзянски – «господин». Латкай и Мельцет переглянулись в ожидании похвалы: их новость явно была достойна высокой оценки, тем паче что Латкай приходился каназору родным племянником.

– Срочно найдите и приведите сюда Нуята и Парамзу. И шамана, шамана Радая ко мне. Живо!

Пожав плечами, дозорные бросились выполнять приказ. В деревне еще никто никогда не видел, чтобы каназор лично общался с Нуятом и Парамзой. После какой-то давней истории они считались несколько как бы отверженными, и даже жен себе так и не взяли, несмотря на преклонный возраст: обоим было уже лет по тридцать пять!

Скоро Нуят и Парамза возлежали на траве у ног Арсяна. От бобылей, которые никогда не стирали своей одежды, исходило зловоние, но сегодня каназор не обращал на него никакого внимания: судьба всего рода – вот что поистине занимало старика.

– Сможете ли вы объясняться с ними? – испытующе глядя, выпрашивал он лохматых, с давным-давно неподстригавшимися бородами Нуяту и Парамзу. – Не успели ли вы забыть их язык?

– А вот послушай, чиряз каназор, – попросил Нуят и сказал Парамзе несколько неведомых слов.

Парамза в долгу не остался и отвечал на том же языке. Нуят пояснил:

– «Господин Арсян сомневается», – сказал я Парамзе. А Парамза ответил, что мы запомнили их язык на все остатки наших жизней, которые даровал нам всеильный Нишке.

Высоко над головами плыли белоснежные облака, и не верилось, что еще несколько минут назад в эрзянской деревне Долина Ручьев, что с годами превратится в Атяшево, торжествовали безмятежность на пару с размеренностью.

Щурясь, каназор Арсян посмотрел на июльское солнце, ласковое и покорное после страшного летнего дождя. Опустив глаза, каназор увидел белобородого шамана Радая – тот ковылял на пригорок на одной ноге, опираясь всем телом на здоровенный посох. К культе второй ноги была кое-как прикручена пеньковой веревкой сосновая чурка – самодельный протез.

Ногу шаман потерял много лет назад в битве с оголодавшим сверх меры медведем-шатунном. Зверь был пробит насквозь рогатиной, но даже в таком положении продолжал терзать ногу Радая. После того, как шатун наконец издох, та же участь едва обошла стороной

самого охотника: Радай потерял столько крови, что едва выжил с помощью своей молодой и преданной жены.

Тогда-то, во время тягучих мучительных ночей, находясь между небом и землей, Радай научился видеть другие миры, причем для перехода в измененное состояние сознания ему не требовались даже «растения силы» – галлюциногены наподобие мусцимола мухоморов или псилоцибина крошечных поганок.

Так рядовой охотник стал главным шаманом Долины Ручьев. При всех своих уникальных способностях Радай оставался поразительно скромным, называя себя всего лишь «человеком, который пробудился», – ну точь в точь, как Будда, о котором эрзянский шаман, разумеется, не имел ли малейшего представления.

– Шумбратадо! – обратился он по-эрзянски к присутствующим. – Здравствуйте...

– Привет, одноногий колдун, присаживайся поудобнее и слушай: в Долину Ручьев пожаловали непростые гости, – произнес каназор Арсян и призывно махнул рукой Парамзе с Нуятом, которые топтались в сторонке. – Эй, вы! Пришельцы страшны, очень страшны. Они – грозные завоеватели, которые не имеют собственного угла во Вселенной, кочуют туда-сюда и везде берут себе то, что пожелают. Поэтому мужчин у них всегда больше, чем слабого пола. Их женщины умирают, когда рожают в степях и негде взять воды, чтобы вымыть дитя. Младенцев омывают верблюжьей мочой, но женщин так не спасешь. К тому же многие отцы убивают своих новорожденных девочек – обычно закапывают живьем. Ведь из них не вырастут воины, которые станут приносить добычу из походов. Поэтому обегите деревню и строго-настрого разъясните хозяевам, чтоб не выпускали из домов ни девочек, ни младших жен, ни старших жен.

У Мельцета на языке так и вертелся вопрос:

– Чиряз Арсян, откуда Парамза и Нуят знают язык пришельцев?

Пожилой каназор не стал ходить вокруг да около:

– Когда вы оба с Латкаем были еще мальчонками, Парамза и Нуят искали отбившихся от стада свиней, да и угодили к кочевникам в плен. Два года парни провели у них в рабстве – в основном ремонтировали повозки. Там наши с вами земляки и выучились языку кочевников. Парамза и Нуят имели тысячу шансов сбежать из рабства, но ушли только тогда, когда кочевники сами отпустили их на свободу...

Латкай тоже решил кое-что уточнить:

– Уважаемый господин каназор, как же зовут этот народ, пришедший в родное наше Присурье?

Старый Арсян, которому уже исполнилось пятьдесят пять лет, казалось, знал на свете абсолютно все:

– К нам пожаловали хунну – запомните это название на всю жизнь, пацаны! В бою они управляют лошадьми одними коленями, и руки свободны для схватки. Одно время народу хунну платил дань сам китайский император. Был даже период, когда император находился у хунну в плену. А потом другой император построил невиданной длины и высоты стену, чтобы отгородиться от кочевников. Из-за Великой китайской стены хунну действительно вынуждены были уйти из родных мест: три столетия тому назад Китай для их набегов оказался закрыт. Тогда хунну оседлали Великий шелковый путь – единственную торговую артерию, соединяющую Китай с Западом. Но и оттуда под ударами китайских войск хунну обречены были отступать, отступать, отступать...

Ковыряясь в носу, Мельцет с неуместной улыбкой констатировал:

– И вот они добрались наконец-то до наших мест!

– Довольно болтовни, беритесь за дело, – недовольно буркнул каназор. – Латкай и Мельцет, за мной. Парамзу с Нуятом возглавит Радай. И не забудьте – не забудьте же! –

передать в каждый дом, чтобы готовились к пиршеству: на столах должно быть все самое лучшее. Мы, эрзяне, должны встретить пришельцев как дорогих гостей.

– То есть команды вооружаться пока не воспоследует? – уточнил Парамза.

– Нет, ни в коем случае, – помотал головой каназор. – Ни одного вооруженного человека не должно быть на наших улицах. Судьба толкает нас в объятия сильнейших на Земле воинов, поэтому приветливая улыбка окажется полезней любого оружия. Хунну уступили китайцам только по причине того, что китайцев в тысячу раз больше.

Разочарование Латкая и Мельцета не знало предела, ибо оба рвались проявить себя в ратном деле, – вот деревенские девчонки узнали бы об их подвигах! Однако многоопытные Парамза с Нуятом испустили вздох облегчения: как-никак, им чуточку довелось поглазеть на хунну в ратном деле. С такими воинами лучше было никогда и никому не связываться. Словно в подтверждение этих мрачных мыслей небеса вновь стали хмуриться.

Определенно, верховным владыкам хунну Тенгри и эрзян Нишке что-то не нравилось в происходящем. Однако решение каназора Арсяна представлялось Нуяту и Парамзе абсолютно верным.

Ох и не зря испытали они зоключения хуннского плена...

Глава 4. Свиное состязание

Эрзянские мужчины – строго без оружия! – широкими улыбками встретили хунну на околице деревни, которая носила имя Долины Ручьев. Пройдут примерно двести пятьдесят лет, и деревня получит новое имя: Атяшево. Сегодня так называется процветающий район-центр на северо-востоке Мордовии.

Впрочем, не только от названия, но и от собственно долины ручьев к нашим дням не осталось и следа: после того, как русские государи, начиная с XVIII века, – Петра I, – извели на поташ почти все местные леса, ручьи пересохли. Но вот как Долина Ручьев еще в V веке новой эры превратится в Атяшево? Об этом вы узнаете позднее – обязательно расскажем.

Пока же главный хуннский шаман Сэпгэ воткнул в землю очищенный от ржавчины до зеркального блеска меч и устроил ритуальный танец вокруг него. Лица степняков были бесстрастны и имели такой цвет, точно только что их отлили в бронзе и она еще не успела позеленеть.

Когда шаньюй Юйчугянь спешил и высокие стороны отвесили друг другу все полагающиеся церемониальные поклоны, чиряз Арсян с нескрываемым интересом принялся рассматривать арбалет гостя. Дело в том, что кочевники еще задолго до новой эры переняли у китайской пехоты и металлические панцири, и щиты, и страшное оружие – мощные самострелы, нечто вроде арбалетов, которые появятся на Руси и в Европе спустя тысячу лет.

Правда, специального устройства-ворот для натяжения тетивы в Древнем Китае (и у хунну, разумеется) не было. Поэтому стрелок опрокидывался на спину, пятками упирался в самострел, а руками оттягивал тугую тетиву. Когда этим делом занимались одновременно сотни человек, зрелище было весьма потешным, однако убойная сила стрел, выпущенных из древнейших в мире арбалетов, была такова, что смеяться никому не хотелось. Ни доспехи, ни щиты не могли защитить от грозного оружия. Правда, большим минусом самострелов была невозможность натягивать их сидя в седле, тут требовались просто мощные луки...

Во всяком месте, где есть оружие и мужчины, дело неизбежно доходит до демонстрации искусства ведения боя. С помощью незаменимых толмачей Парамзы и Нуята решили устроить соревнование. Шаньюй Юйчугянь послал гонца в обоз, и скоро оттуда прискакала стайка возбужденных подростков: их призвали на взрослые дела!

– Джоха! – крикнул Юйчугянь. – Иди-ка сюда.

От подростков отделилась плечистая девичья фигурка верхом на серой лошадке:

– Да, отец?

– Вот посмотри, видишь этого поросенка? Убьешь ли ты его одной стрелой из своего самострела?

– Клянусь, Йер-су с благодарностью примет эту мелкую жертву, – отвечала девочка.

Шаньюй покачал головой: конечно его младшему ребенку следовало родиться мальчишкой – вылитый ведь парень!

Но Юйчугянь поскорее отогнал от себя эту мысль, поскольку младшая яньчжи – этим словом титуловали всех жен шаньюя – даже не выносила разговоров на подобную тему и души не чаяла в своей любимой доченьке Джохе.

Чиряз Арсян повертел головой и крикнул племяннику:

– Латкай! Возьми-ка мой лук для большой охоты и не подведи родного эрзянского племени!

Между тем по противоположному краю оврага беззаботно бродил поросенок – килограммов этак на восемьдесят, по понятиям того времени аккурат на убой. Хунну и эрзя обступили овраг, чтобы насладиться зрелищем.

Джоха спешила, соблазнительно повертела бедрами, улеглась на спину и принялась натягивать ногами и руками свой арбалет. Что же касается принимающей стороны, то Латкай, пыжась изо всех сил, принялся целиться из мощного лука самого каназора – лишь бы оправдать его высокое доверие!

Наконец в полной тишине звякнула тетива, и стрела ушла в цель. Дикий визг поросенка разбудил еще спящий лес. «Я его не убил, не уложил насмерть, – в ужасе пронеслось у Латкая в голове. – Мы проиграли...»

Поросенок же ломанулся что было сил через кустистый овраг, да тут и напоролся на стрелу маленькой арбалетчицы. Подергавшись, поросенок затих.

С дипломатической точки зрения эпизод вышел идеальным: дело несколько коряво начали хозяева, а успешно завершили гости.

«Вот за этой деревней я и разобью наконец стойбище, – подумал шаньюй Юйчугянь. – По пути сюда мы миновали несколько поселений, но люди лишь боялись нас и прятались. Нигде больше хунну не встречали подобного гостеприимства. Несомненно, именно об этой Долине Ручьев мои шаманы узнали в черной полости Бугров...»

При мысли о том, какой ужас наводит его народ на какие угодно племена, Юйчугянь криво усмехнулся. В тот же миг, но по совершенно по иному поводу криво усмехнулся и Оян: отныне интимные игры с Гармой грозили стать редкостью. Посреди тихого ночного стойбища звуки любовной возни сразу станут слышны, и первым делом их уловит мама Багрита.

– Непонятно, как нам с тобой жить дальше, – шепнул юноша на ушко своей девушке. – Грохот лесной колонны больше не заглушит наших звуков...

– Поженимся, и нам некого будет стесняться, – беззаботно отозвалась девушка. – Станем целоваться и обниматься на виду у всех!

Оян считал излишним подогревать в ней эту надежду. Как всякому молодому человеку, грезились многочисленные прекрасные дамы, которых ему предстоит очаровывать долгими годами до женитьбы. Уж кого-кого, а белолицых чернобровых красоток в Долине Ручьев хватало. Гарму – при всех своих самых теплых чувствах к ней – парень цинично рассматривал как трамплин к большим половым утехам.

Ну очень большим.

Возможно, с несколькими девушками сразу.

...После краткой, но весьма успешной охоты на невинного поросенка начались подлинно дипломатические «прелиминарии» да «эволюции». Арсян показал Юйчугяню, где удобнее поставить шатры, где лучше поить лошадей и мелкий рогатый скот, а в какой стороне лес кишит дичью. Эрзяне с соседних холмов и прочих возвышенностей Долины Ручьев весь день поглядывали на своих гостей, а вечером все, несмотря на усталость, устроили танцы с хоровым пением, не забыв и про молитвы.

Правда, эрзяне с отвращением смотрели на жертвоприношение богине плодородия (обожествленной Земле) Йер-су, для которой весной и осенью требовалось прирезать коня, рыжего или серого. Устраивались кровопролития и по всевозможным прочим поводам, например, как сегодня, когда хунну прилюдно порешили одного конька-доходягу: поход окончился, да здравствует стойбище!

Впрочем, еще сравнительно недавно – какую-нибудь сотню лет тому назад – хунну с привычной лихостью вместо лошадей резали на каменных жертвенниках людей. Иногда то бывали преступники или струсившие в бою воины, но за нехваткой последних смерти предавали самых прекрасных девушек. В этой дикости имелся свой потаенный, замешанный на психологии смысл.

Исчезновение очередной красавицы влекло за собой исчерпание целой череды конфликтов между воинами за обладание ею. Уж что-что, а внутренние раздоры из-за женщин небольшому народу были ни к чему.

Даже под прозрачной небесной голубизной.

Глава 5. Первые гунны Земли

Отныне развеселые гулянки после трудового дня стали традиционными. Незамужние эрзянки (на зависть замужним) ходили разнаряженные по-праздничному, а неженатые хунну (на зависть женатым) гарцевали на своих мохнатых лошадках с видом женихов. С наступлением темноты по деревне тут и там прогуливались парочки, и летние лунные ночи словно освящали будущие союзы местных финно-угров и пришлых прототюрков.

Пример показали всем дочь предводителя хунну Джохы и племянник главы рода Латкай. На глазах у всех, взявшись за руки, они появлялись то тут, то там в самых укромных окрестностях Долины Ручьев, а с темнотой так и норовили прижаться друг к другу потеснее в уголке среди деревьев. Вдрызг растерзанный желанием Латкай испытывал танталовы муки и пытался залезть жадными до ласки руками туда, куда во все времена разрешает проникнуть только женщина. В данном случае подросток Джохы была непреклонна:

– Сначала свадебные обряды!

– А какие обряды будем играть – по-вашему или по-нашему? – наивно спрашивал племянник местного каназора.

Пальцы его между тем продолжали свое интимное и очень хлопотное дело.

– И по-вашему, и по-нашему, мало никому не покажется, – отвечала дочка шаньюя, решительно убирая с себя шаловливые мужские ручонки.

Всей молодежи деревни крупно повезло, что именно представители племенной знати, двадцатипятилетний Латкай и четырнадцатилетняя Джохы, первыми сыграли свадьбу. Разница в возрасте была что надо: в ту пору считалось нормой, когда муж оказывался старше жены лет этак на десять-пятнадцать. Сей мудрый порядок резко снижал тягу слишком юного супруга к молоденьким девчонкам и тем самым цементировал семьи.

В наши-то дни супруги-ровесники сплошь да рядом разводятся лишь потому, что женщина после серии родов уже утратила форму, а муж пребывает еще в самом соку и не пропускает ни одной юбки.

Свадебные обряды действительно устроили «и по вашему, и по-нашему»: как в честь великого Голубого Неба (или Солнечного Света) прототюрков Тенгри, так и в честь великого верховного бога эрзи, которого называли Нитке. Уж очень Джохе хотелось выбраться из-под плотного пригляда отца; уж очень рукоблуду Латкаю хотелось познать наконец женщину.

Их пример вызвал в будущем Атяшеве настоящий бум – прокатилась волна свадеб: будто сработал некий тайный детонатор. То-то появилось работы у шаманов с обеих сторон, и особенно выбивался из сил, конечно же, одноногий Радай! Казалось, вопли и завывания камланий докатывались в теплое летнее вечернее аж до самого впадения реки Алатырь в Суру (правый приток Волги), что с точки зрения физики звука было, конечно, совершенно невозможно.

Первым вслед за другом Латкаем бросился в омут брака веснушчатый Мельцет: привел в отцовский сруб шустрю скулостую девицу с широкими мужскими плечами, с по-кавалерийски кривыми ногами и поющим именем Бендзья. Пахло от этой кареглазой девушки точно так, как ото всех прочих хунну – никогда не мытым телом и нестиранной одеждой, то бишь кожаными штанами и кокетливо приталенной меховой курткой.

Нет, пришельцы не были принципиальными грязнулями; просто в степях да полупустынях люди и животные экономно пьют воду, а не разбазаривают драгоценную влагу попусту, – на мытье.

Самое удивительное, что вечные, как считалось, холостяки Парамза и Нуят мигом «обневестились», да и поженились, став наконец азурами – главами семей. Не менее удиви-

тельным было то, что подруги их сердец оказались одними из самых красивых на воображаемом скуласто-узкоглазом подиуме. Почему?

Дело в том, что у Парамзы с Нуятом и их избранницами отсутствовал языковой барьер: вот когдагодились два года, проведенные в хуннском плену! К узким карим щелочкам глаз и широченным желтым скулам толмачи также успели в свое время привыкнуть.

Вдобавок прочие пары объяснялись знаками, что, согласитесь, весьма неудобно, особенно в пору налаживания домашнего хозяйства. Да и на брачной, накрытой мехом циновке принять нужную диспозицию куда лучше при помощи слов, чем жестами в гробовом молчании. Тем паче, что одни и те же жесты у хунну и у эрзи часто означали абсолютно разные, порой прямо противоположные вещи.

Недаром именно из домиков Парамзы да Нуята на зависть всей Долине Ручьев неслись сладкие женские вопли и удовлетворенное мужское рычание. Впрочем, будем откровенны с читателем: свежеиспеченные супруги Парамзы и Нуята точно так симулировали удовлетворение, как семьдесят процентов прочих женщин на этом свете.

Более всего подобный порядок в силу здорового гормонального избытка не устраивало Мельцетову жену – подростка Бендзею. Всякий отъезд мужа на рыбную ловлю или звериный промысел использовала кавалерист-девица для прелюбодейния в надежде, что очередной парень преуспеет в доставлении ей положенного природой наслаждения. Но увы: весь «процесс» длился около трех минут, после чего мужчина буйно содрогался, да и затихал в очередной релаксации.

Лишь раз случайный парнишка случайно принялся стимулировать Бендзее именно то, что нужно. О всемогущий Тенгри! Среди докрасна раскаленных скал поднялась фиолетовая волна, пронзаемая ослепительными молниями, и скуластая красавица завопила во весь голос от неведомого наслаждения. Скалы величественно рушились, а на их месте в голове Бендзеи вырастали новые скалы, расчерченные белыми стрелами.

Когда вернулся с работы конопатый Мельцет, юная хуннская жена показала супругу, для чего природа наградила его средним пальцем. Перед мысленным взором Бендзеи бешено понеслись желтые шары, которые сталкивались, взрывались, и другие – новые – шары из эпицентров летели в бесконечность, вспарывая темно-синие сгустки сознания. Содрогнувшись в последний раз, она замерла, и слезы радости текли по ее щекам. Мельцет был потрясен.

– Тебе больно? – только и выдавил из себя сей древний болван.

Женский плач наслаждения потрясает неопытного мужчину. Вообще сильному полу обычно кажется, будто женщины плачут по тем же причинам, что и сами мужчины. Но женские слезы не всегда являются реакцией на физическую или душевную боль: зачастую это способ выражения чувств.

– Мне изумительно хорошо, – рассмеялась сквозь слезы очаровательная Бендзее. – Спасибо тебе, любимый!

Разумеется, не единими утехами на меховых циновках жили гости-хунну с хозяевами-уграми. В свободное от сельхозработ, охоты и рыбалки время все дружно валили лес, обрубали ветки и волокли бревна в деревню – скорей, скорей, скорей! Везде по Долине Ручьев стучали топоры и звенели пилы: молодые семьи бешено строились, чтобы как можно скорее освободить место в отчих домах, да и зажить наконец самостоятельно. Срубы росли, словно грибы после летнего дождя, а внутри ночами напролет творилась большая, очень большая Любовь.

Спустя год июль вновь бесцеремонно ввалился в август: из ночей ушло тепло. Когда у первой молодой пары, Латкая и Джохи, родился мальчик, поначалу никто не понял, что стал свидетелем высокой и загадочной воли небес. Даже мудрые шаньюй с каназором и своими шаманами ничего не почувствовали. И уж тем более никто не догадывался, что на Землю

пришел первый гунн, которого называли по-эзрянски Тумаем. Он был черноволос, скуласт, а узкие его глаза скоро стали из желтых отцовских карими-прекарими – материнскими.

Кстати, хунну несколько не возражали, с легкостью перенимая имена народов, среди которых жили. Так, в имени хуннского вождя Юйчугяня отчетливо слышна китайская основа. Столь толерантное отношение к наречению потомства с годами станет характерным и для стремительно расплодившихся гуннов.

Следом счастливым папашей стал и Мельцет, затем детский смех зазвенел из соседнего сруба, после диким плачем отметил собственное рождение еще один человечек. В общем, что тут говорить? Отныне производство маленьких скуластых, кареглазых и темноволосых гуннов встало на широкую ногу. В мире лучин и свечей, без электрического света, радиоприемников и телевизоров, смартфонов и Интернета многие зачатия происходили просто так: от безделья и скуки.

Только Гарму одолевали мучительные сомнения. Уж взаправду любит ли ее Оянушка, если до сих пор не позвал замуж? В то же время Оян вволю налюбовался светловолосыми эзрянскими красавицами. Порой, сжимая в объятиях свою Гарму, парень воображал, что под ним задыхается от счастья какая-нибудь местная девушка.

Гарма ощущала это тем самым удивительным чутьем, каким природа в большой компании с богами одаривает всякую женщину. На глаза наворачивались слезы, но они несколько не походили на те слезы наслаждения, которыми счастливая Бендзея каждодневно одаривала своего Мельцета.

И несколько постельная бездарность Ояна не зависела от чистоты неба. Гарма засыпала неудовлетворенной и в дождь, и в град, и в снег, и жаркой летней ночью.

Глава 6. Позор юнократии

Слава о творящейся в Долине Ручьев – будущем Атяшеве – невообразимой и безграничной любви быстро раскатилась по окрестным мокшанским да эрзянским поселениям, что аккуратно расположились между реками Сурой и Мокшей, Белой и Волгой. Размеренная и тихая жизнь получила пробоину, о последствиях которой не мог знать никто.

Оттуда и отсюда на вечеринки в Долину Ручьев стали съезжаться финно-угры, которых русский язык спустя века объединит названием «мордва». По сей день мокшане называют себя (в том числе при переписях населения) мокшанами, эрзяне – эрзянами, но русские тех и других, вместе взятых, упорно зовут мордвинами.

Действительно, мокшане и эрзяне близки друг другу и внешне, и общей историей, и местами расселения, и языками, и финно-угорской кровью, но, как ни крути, а народы это по сей день все равно разные. Другое дело – глубокая древность, когда мордвины еще не разделились на две этнические группы, а русских и вовсе не существовало.

Впрочем, к блистательной истории гуннов сей факт вряд ли имеет отношение. Светлокожие угорские хлопцы с энтузиазмом женились на плечистых кривоногих дивчинах племени хунну, а бронзоволицые парни-хунну брали в жены стройных блондинок – угорских девиц; это смешение желтой и белой рас стар и млад с обеих сторон воспринимал одобрительно, в качестве чудесной экзотики.

И никто в будущем Атяшеве не обратил внимания на местных мальчишек, которые о чем-то шептались по всей деревне и день, и другой, и третий. Между тем глазенки шептунов пылали предчувствием близких подвигов. Однажды, когда темнота полностью вступила в свои права, начала сбываться известная констатация одного современного ученого: «Изнывающие от скуки пацаны – враги человечества».

Едва деревня уснула мертвецким сном, над ручьями разнесся чей-то пронзительный короткий свист. То был сигнал к действию!

Дневную усталость пополам с сонливостью словно добрый волшебник унял, и пацанва принялась выбираться из тесных родительских срубов. Если вдруг кто-то из взрослых просыпался и спрашивал о цели поздней прогулки, отвечали все одинаково – точно так, как загодя условились: «До ветру приспичило». Трупками по пять-шесть человек лопающиеся от гормонов эрзянские пубертаты общим числом этак в сотню направились к стойбищу хунну.

Вооружены пацаны были будь здоров: уворованными у отцов луками, мечами, дротиками да вилами. Как-никак, по Долине Ручьев давно гулял слушок, будто степняки привезли в обозе несметные сокровища, награбленные у китайцев и племен неведомого Приаралья, а также в какой-то загадочной Сибири.

С точки зрения выпендривающихся друг перед другом несмышленишей это было, разумеется, несправедливо: экспроприаторов следовало незамедлительно экспроприировать. Правда, даже зачинщики заговора не могли внятно растолковать, как потом распорядиться сокровищами: главное, мол, – сделаем дело, а там посмотрим.

Собравшись единой стаей, похитители крадучись двинулись за околицу. Без дневного света приближающееся всхрапывание лошадей и перетапывание верблюдов на бескрайней хуннской стоянке звучало зловеще. Но хуже всего стало тогда, когда приближение чужаков обнаружили хриплым лаем собаки. Правда, сорванцы не подкачали и принялись швырять псам куски мясных отходов, по большей части поросячьих кишок да копыт.

Тут-то и пришел конец всей затее. Кругом выросли молчаливые большие фигуры, и засвистели арканы. Хунну из боевого охранения видели в темноте, словно волки, и скоро надежно повязаны были все, абсолютно все горе-предприниматели: уйти из пубертатов не

удалось никому. Так и пришлось им провалиться на холодной земле до утра в ожидании своего позора, связанными по рукам и ногам.

Ранним утром Юйчугянь отправил гонца к своему родичу (дочка шаньюя была замужем за племянником каназора, а их сыну, первому на свете гунну Тумаю оба правителя приходились дедушками) Арсяну с соответствующим устным донесением. Тем временем к домику Арсяна потянулись и родители исчезнувших в начале ночи бедолаг.

Излишне говорить, что и у эрзи, и у хунну тут же были заброшены все хозяйственные дела – лишь женщины на скорую руку поили и кормили скотину. От мала до велика все разглядывали эту невидаль – связанных попарно недоумков. Каназор Арсян сквозь землю готов был провалиться со стыда и повторял, словно заведенный расхаживая перед «лежачим строем»:

– Как вы додумались ограбить гостей, с которыми нас связывают родственные узы? Как только додумались до подобной гадости? Все зачинщики будут найдены и примерно наказаны. Впрочем, каждый из вас получит свою долю позора и боли. Так и запомните: все до единого, мерзавцы! Все!

Наругавшись вволю, каназор поплелся приносить извинения шаньюю Юйчугяню. Тот сидел на циновке в окружении целой свиты и приветствовал Арсяна как ни в чем ни бывало, в чем можно было усмотреть весьма тонкую иронию:

– Хорошо ли спалось, хозяин? Надеюсь, комары не сумели вырвать тебя из крепких объятий сна?

– Вот эти комары?! – крикнул чиряз Арсян, указывая плетью на кучки жмущихся друг к другу незадачливых воришек. – Они дорого заплатят за наш общий позор. Я принял трудное решение: зачинщики, придумавшие напасть на гостей, будут казнены. Мы принесем их в жертву, словно лошадей, – на камне, посвященном великому Нишке. Всех до единого!

Толмачи Нуят и Парамза старательно переводили с эрзянского на язык хунну.

Суровый вождь страшных кочевников ужаснулся:

– Даже если бы мальчики преуспели и стащили по куску золота, бесполезного в практической деятельности металла, это не повод лишать их жизни. Просто юных балбесов надо растить в строгости и дисциплине, ведь это будущие воины, им предстоит беспрекословно исполнять приказы командиров!

Мальчики дрожали от холода и страха, но от страха дрожь была гораздо сильнее. Вообразив на поляне перед шатром Юйчугяня телеведущего Владимира Соловьева, мы бы услышали, как он цитирует самого себя: «Если представить на мгновение, что все существующие политики исчезли и власть перешла в руки шестнадцатилетних, то можно с уверенностью сказать, что через три дня будет кровавая бойня. Яркий пример – Гайдар, который командовал полком и прославился феноменальными зверствами».

Шаньюю принялся со всей силой своего скудного степняцкого красноречия отговаривать Арсяна от его ужасной затеи. Демонстративно упираясь, каназор продолжал обрушивать на пацанов громы и молнии. Правда, при этом он не забыл послать крепких парней в ближайший лесок за березовыми розгами, а из разделочного «цеха», где под растянутым меж сосен навесом били поросят, к жертвеннику великого Нишке доставили длинные полосы свиных шкур.

В общем, пороли злодеев так, что мало никому не показалось; да и орали пацаны соответственно – искренне, от сильнейшей боли. Две недели потом ни один не мог ни присесть, ни уснуть на спине. И «погоняла» прилипли к воришкам на долгие годы: «золотоискатели». Так эрзяне оперативно профилактировали появление шпаны, которая очень скоро терроризировала бы весь народ.

Не можем удержаться здесь от отступления. Сравните-ка, читатель, угорское воспитание II века новой эры с современным. По всему белу свету прохожие пугливо жмутся ближе к

освященным местам и полицейским мундирам, а изнывающие пацаны так и норовят оскорбить, ударить, обокрасть, поджечь, сломать. Неслучайно в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии телесные наказания в школах (главным образом порка гибкой тростью, кожаной лентой, удары снятой легкой обувью) были постепенно отменены лишь на протяжении 1987–2003 годов.

Переход от традиционного типа общества к современному (низкая смертность, низкая рождаемость) начался в конце XVIII века в наиболее «продвинутых» странах Западной Европы и к середине XX века охватил всю грамотную часть человечества. Исключением стали самые отсталые регионы Азии, Африки, Латинской Америки.

Причин тому как минимум четыре: распространение эффективной контрацепции, продляющее жизнь развитие медицины, интеллектуальное секулярное просвещение (основные религии запрещают ограничивать рождаемость) и... повсеместное распространение электроприборов.

Насмотришься телевизора, накалякаешься до одури в соцсетях – и баюшки. Господи, какой секс, какие там еще дети?

Впрочем, имеется и в Европе пример поразительной отсталости – западная, галицийская Украина. Индустрии и научных центров там практически нет, работы, соответственно, тоже нет, зато полно мифов о былом величии, взять хотя бы батальон «Нахтигаль» и дивизию СС «Галичина», а заодно героизацию гитлеровских пособников Бандеры и Шухевича. В 2013–14 годах именно «западенская», мающаяся бездельем часть украинской молодежи влилась в ряды нацистского «Правого сектора», став пушечным мясом и карательным органом государственного переворота в Киеве.

Вот уж кого следовало примерно пороть еще в отрочестве.

Невзирая на погоду за окнами.

Глава 7. Соединение разных кровей

Откуда взялось это название – гунны? Наука не предлагает ни одной вразумительной версии. На наш взгляд, финно-уграм сложно было выговаривать «хунну», совершенно чуждое по звучанию мокшанскому, эрзянскому и прочим угорским наречиям: попросту языки во ртах не «поворачивались» нужным образом. Да не суть-то принципиально название. Главное – в другом.

Первыми заметили отличия, как и положено было, мамки да бабки, причем как хунну, так и угрянки. Появившиеся в шатрах и срубах полукровки явно отличались от младенцев из числа чистых хунну и чистых мокшан или эрзян. Новорожденные гунны оказались заметно крупнее, прожорливее, выносливее, находчивее, ловчее, физически сильнее и смекалистей своих «чистопородных» сверстников.

А самое важное – маленькие гунны почти ничем не болели, в то время как в эпоху отсутствия педиатрии всевозможные болезни буквально выкашивали «чистопородную» малышню, что отнюдь не считалось чем-то уникальным. Да и что в младенческой смертности могло быть уникального, если даже в начале XX века православные батюшки сплошь да рядом указывали в приходских книгах в качестве причины смерти ребенка: «От кашля». Иными словами, еще каких-нибудь сто лет назад общедоступные здравоохранение, просвещение, гигиена были настолько убогими, что нельзя было ни уберечь ребенка от инфекции, ни вылечить его.

И еще важный момент. Мудрые православные батюшки недаром требовали, чтобы парни брали в жены девок из удаленных сел: так снижалась вероятность рождения неполноценных детей. Но в орде, которая порой веками практически не контактирует с другими племенами, от инбридинга удержаться очень сложно. То же касается и деревень, разбросанных друг от друга на огромных расстояниях, да к тому же в отсутствие приличных дорог.

Во II веке в затерянной среди чащоб Долине Ручьев произошло массовое соединение абсолютно разных кровей. Брачные узы объединяли, с одной стороны, людей, веками ведущих оседлый образ жизни в лесах, а, с другой стороны, кочевников, веками занимавшихся скотоводством в бескрайних степях да в предгорьях. Поэтому стали появляться на свет люди, очень мало похожие на своих старших «чистопородных» братьев и сестер. Вот только никому и в голову не приходило, что, невообразимо размножившись, новому крепкому народу сужден могучий пассионарный взрыв.

Но вернемся в конец далекого от нас II века новой эры. Другое наблюдение, сделанное женщинами, касалось интересов новоявленных гуннов: и мальчиков, и девочек неудержимо тянуло к оружию и лошадям, абсолютно к любым лошадям и к любому оружию. Когда метисы подрастали настолько, что взрослые позволяли им помахать настоящим мечом, пометать настоящие завершенные дротики, побросать настоящие арканы и пострелять из настоящих луков да арбалетов, эти дни запоминались как сплошное счастье.

«Наследные», потомственные кавалеристы – в седле с трех лет – сила неимоверно грозная, сравните ее хотя бы с казачеством, которое служило подлинной иммунной системой самодержавия. Пехотный пример аналогичного сравнения – янычары, с первых лет жизни воспитывавшиеся исключительно для войны.

Именно мышцам народившихся в финно-угорских лесах полукровок суждено было перекрыть политическую карту Европы, изменить ход истории, исказить до неузнаваемости генотипы европейских народов.

Конечно, было бы заблуждением представлять жизнь эрзян, мокшан и примкнувшей к ним массы хунну идиллией беззаботных людей. В длинном переходе из Приаралья пали от усталости и бескормицы большинство овец и коз, которых гнали с собой хунну в качестве

основного провианта. Добывать грибы, ягоды и лесную дичь степняки толком не умели, и это было основной причиной нелегких раздумий шаньюя Юйчугяня: чем кормить людей?

Каназор Арсян прекрасно понимал, что имеющегося поросячьего стада для внезапно выросшего народа явно не хватит. Тем более, что массу провианта поглощали свадебные столы: с обеих сторон подрастали девочки и тут же выскакивали замуж. Оставался единственный вариант: уграм предстояло обучить хунну оседлым способам пропитания.

Шаньюй и каназор провели на эту тему серию длительных разговоров тет-а-тет, если не считать толмачей – вихрастого Парамзу или кое-как подстриженного Нуята. Кстати, ежели надеть на него костюм с галстуком и очками, получится вылитый офисный планктон из современной Финляндии. Никаких широченных скул, иссиня-черных шевелюр и узких карих глаз – предки современных финнов практически не пересекались с хунну.

В конце концов предводители договорились об исправлении ситуации. И тут такое началось! С раннего утра и дотемна эрзяне учили дорогих сродников-гостей собирать чернику, крыжовник и землянику, желуди, мед и лещину, вишню, груши и яблоки, а также бортничеству и огородничеству. Хунну осваивали подсечно-огневое земледелие, учились сеять да убирать морковь и свеклу, ячмень и просо, горох и бобы, репу и брюкву, лук и чеснок. Арбалеты пошли в дело для добычи косуль и оленей, лосей и кабанов, глухарей и куропаток, лебедей и аистов.

Соответственно пришлось степным странникам перенять и меню угров. С маслом или молоком ели толстенные блины, мясо измельчали на начинку для пирогов, пили бражку да ритуальную пуре (не путать с пуре!) из смеси ячменя, меда и хмеля, которой сбрызгивали священные камни, дабы умилоустивить богов. Непросто далась такая резкая перемена пищевой традиции кочевникам, которые веками ели почти одно лишь жареное на вертелах мясо: увы и ах...

Готовя пищу детям и мужьям, женщины-хунну не забывали о поросятах, изготавливая толкушками в корытах кормовые смеси. Одновременно степные женщины и мужчины учились пасти, благо были всеядны; по мере взросления обучали этому нехитрому занятию и ребятишек, чтобы высвободить старших членов семьи для более трудных дел. К тому же следовало приглядывать за курами, утками, гусями. А рыбная ловля? Уж этим-то мастерством хунну сызмальства не владели, даже о нем не слыхивали.

В общем, с одной стороны, эрзяне стали пользоваться для охоты мощным оружием хунну, а некоторые даже перебирались из деревянных домов в шатры: как правило, муж-хунну ставил шатер для своих угорских жен. С другой стороны, подрастающие гунны и взрослые хунну вели жизнь земледельцев, охотников, рыбаков и собирателей. А заодно заготавливали на полянах сено для лошадей и верблюдов, которые самостоятельно не умеют прокормиться в заснеженном лесу. Даже приготовление медовухи и кваса освоили степные пришельцы, пельмени научились лепить да запастись на зиму.

Неудивительно, что седую голову шаньюя Юйчугяня то и дело одолевали назойливые мысли. Отказ от привычного кочевого образа жизни представлялся ему слишком высокой платой за выживание с помощью тяжелого каждодневного труда. Степняки привыкли, мягко говоря, к несколько иным отношениям со временем.

Поэтому при первой же возможности шаньюй брал с собой пару десятков отборных воинов, Нуята или Парамзу в качестве толмача и наведывался то в одну, то в другую угорскую деревню.

Там Юйчугянь собирал стариков и беседовал с ними о... географии.

На цвет неба старый предводитель хунну не обращал при том никакого внимания.

Глава 8. Отречение от разума

В угорских поселениях предводителя хунну интересовало все, что находится на севере, востоке и западе. О юге шаньюй знал сам не понаслышке. VI веке новой эры хунну обрели, казалось, новую родину – близ Аральского моря (ныне юг Казахстана), за 4000 километров от Ордоса – родной степи, образованной грандиозной излучиной Желтой реки, Хуанхэ. Там-то, в одном из стойбищ на берегу Аму-Дарьи, и поселилась пришедшая из Забайкалья семья будущего вождя Юйчугяня. Но даже отсюда хунну грабили Великий Шелковый путь, чем сильно мешали китайцам.

Увы, вскоре ряд сокрушительных поражений от хэшоу, как с легкой руки основателя китайской империи Цинь Ши хуанди стали называть самих себя китайцы («хэшоу» по-китайски «черноголовые»), вынудил основную массу кочевников свернуть шатры: рассерженные черноголовые вторично лишили хунну родины. Правда, часть хунну признала власть китайского императора и обязалась охранять Китай подобно тому, как «варварские» племена стерегли границы Римской империи. Однако основная масса народа двинулась краем пустыни к Каспийскому морю, но в итоге достигла владений мокши и эрзи.

К востоку, по дружному утверждению угорских стариков, высились страшные горы – Урал, грозящий холодом и бескормицей. На севере хотя и не было гор, царила – и чем дальше, тем сильнее, – ледяная тайга, также гарантировавшая отсутствие корма для лошадей, верблюдов и баранов.

Оставался юго-запад, куда то и дело старый Юйчугянь обращал свой взор: там раскинулась Великая степь. Правда, по Великой степи кочевали многочисленные орды прочих кипчаков, но шаньюй не сомневался, что в бою с хунну они будут разгромлены без труда. Как-никак, перенятым у китайцев вооружением похвастать было больше некому. Однако затевать сейчас поход в Великую степь также было не с кем, поскольку из каждого шатра неслись младенческие писк и лепет. Мало того, все женщины – и хунну, и эрзянки – постоянно ходили беременными. Рецепт существовал один-единственный: набраться терпения и ждать, когда вырастут гунны.

Зато шаньюй позаботился о том, чтобы у будущего великого воинства было в досталь оружия. В Долине Ручьев старик открыл огромную оружейную мастерскую, а чиряз Арсян позаботился о поставках сырья, – в основном железных чурок и крепчайшей пеньки для арканов. Ремонтировать же табуны время еще не пришло, поскольку дальнейшие походы предстояли в неопределенном будущем.

«Может, и не доживу, – печалился про себя шаньюй Юйчугянь. – Скорее всего, не доживу...»

Но как же там чувствуют себя наши друзья – юная семья эрзянина Латкая и хунну Джохы? Кое-как выучились они общаться на смеси эрзянского и хуннского языков, сами не предполагая, что вместе с другими смешанными угро-хуннскими парами вносят существенную лепту в становление абсолютно нового для человечества – гуннского! – языка.

Впрочем, лингвистические штудии занимали Латкая менее всего на свете. Более всего желал он при первой же возможности сближения со своей хорошенькой скуластой женой, которая терпеливо поправляла его неумелые ласки. Бедный парень даже понятия не имел, где расположен орган главного женского наслаждения, зато уж себя-то, любимого, ублажал на славу. Однако и юная Джохя в своей скудной супружеской постели получала удовольствие, хотя и с некоторыми «но».

Если конопатый Латкай, лежа с женой на циновке, не слезал с седьмого неба, конвульсируя от счастья, то Джохе мечталось несколько иное будущее. Она вовсе не желала всю

жизнь провести в срубном домике, рожая детей и готовя корма животным. Молодой женщине грезился ажурный дворец и царский сын – принц! – в качестве законного супруга.

Так или иначе, но Долина Ручьев – будущее Атяшево – благодаря визиту хунну превратилась в подлинный оазис любви.

Независимо от погоды.

Глава 9. На пороге адюльтера

Со смешанным чувством гордости и тоски шаньюй Юйчугянь посматривал на игровые ристалища подрастающих гуннов. Ему, опытному военачальнику, было очевидно, что из них вырастут великолепные воины. Но даже если Юйчугянь доживет до этого счастливого времени, то будет слишком стар, чтобы лично возглавить поход на юго-запад – в Великую степь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.